

УДК 343.3/.7.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Бужин Роман Владимирович¹, канд. экон. наук

Золотарев Иван Иванович², канд. экон. наук, доц.

Золотарева Наталья Александровна², канд. экон. наук, доц.

¹ Воронежский институт МВД России, пр-т Патриотов, 53, Воронеж, Россия, 394065; e-mail: romanbuzin@yandex.ru

² Воронежский аграрный университет имени императора Петра I, ул. Мичурина, 1, Воронеж, Россия, 394087; e-mail: iizolotarev@mail.ru; zna1980@yandex.ru

Цель: на основе анализа зарубежного опыта, мнения ведущих российских ученых и сложившейся юридической практики предлагается ряд мер для повышения эффективности выявления фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом (иными лицами) в результате совершения им преступления (преступным путем). *Обсуждение:* теневой сектор в тех или иных масштабах существует в экономике любого государства. Существуют разнообразные методы оценки его структуры и объема, каждое государство стремится противостоять развитию и укреплению теневой составляющей своей экономической системы. *Результаты:* непрерывное поступательное развитие институтов ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, является одним из важнейших направлений противодействия криминализации национальной экономической системы России, действенным препятствием на пути вливания преступно накопленных ресурсов в экономику страны и существенным фактором противодействия теневой экономике в целом.

Ключевые слова: легализация доходов, отмывание денежных средств, теневая экономика, экономическая безопасность.

DOI: 10.17308/meps.2021.9/2675

Введение

Теневой сектор в тех или иных масштабах существует в экономике любого государства. Существуют разнообразные методы оценки его структуры и объема, каждое государство стремится противостоять развитию и укреплению теневой составляющей своей экономической системы.

В России доля теневой составляющей экономики превышает 33% валового внутреннего продукта. Ввиду многообразия и непрозрачности «экспертных» оценок этого показателя мы будем опираться на исследование Международного валютного фонда (МВФ), оценивающего размеры теневого сектора в 158 странах мира в 2010-2017 годах [12]. По этим оценкам, доля теневой экономики в нашем государстве находится на среднем уровне по миру, однако для европейской страны этот уровень неприемлем [1, 5-8]. Аналогичная ситуация наблюдается в некоторых странах Африки и Пакистане, для европейской страны такой уровень крайне высок (исключая Румынию и Болгарию). В США, Японии, Швейцарии и Сингапуре объемы теневого сектора не превышают 15% от ВВП.

При оценке теневой экономики нельзя руководствоваться только объемом неподотчетных государству экономических отношений. Непосредственно теневая экономика делится на криминальный и некриминальный секторы. К криминальному относят сферы деятельности, не только запрещенные уголовным законом, но и противоречащие нормам морали, нравственности и осуждаемые обществом. К числу таких можно отнести: незаконный оборот наркотических средств, оружия, торговлю людьми, рэкет, проституцию и т.п., кроме того, криминализация общества и хозяйственной деятельности является существенной угрозой экономической безопасности любого государства. Однако противодействие криминальным проявлениям в национальной экономике – ликвидация лишь последствий функционирования теневого сектора, а не его причин.

Для минимизации угрозы экономической безопасности страны необходимо понять ее причины, определить движущие силы явления, изучить действие механизмов теневой экономической деятельности. Теневая экономическая деятельность по своему механизму практически идентична легальной. Главной целью является максимизация дохода и минимизация издержек, для начала и развития теневой деятельности необходимы ресурсы, следовательно, требуются инвестиции и, соответственно, инвестор ожидает отдачи от вложенных средств. Опираясь на приведенную абстрактную схему, возможно несколько вариантов. Ресурс привлекается из легального сектора, тем самым создавая конкуренцию легальным проектам и лишая российскую экономику и без того скудных инвестиционных ресурсов. В другом случае ресурс формируется непосредственно в теневом секторе и создает фундамент для расширения теневой зоны экономики или легализуется и включается в легальную сферу. Вливание таких инвестиций в легальную экономику страны, на первый взгляд, несет позитивный заряд и соответ-

ствуется целям экономической безопасности государства. Отечественные теневые бизнесмены часто задействуют экспортные схемы для отмывания теневых доходов и реэкспорта отмытого капитала на родину. Используются оффшорные зоны, где, по зарубежным данным, действует около 30 тыс. фирм с российским капиталом, причем в Министерстве экономики РФ зарегистрировано только около двух тысяч таких компаний. Часть легализованных в оффшорных зонах средств возвращается в Россию в виде инвестиций, неудивительно, что Кипр до последнего времени занимал второе место по прямым вложениям в экономику России. Однако не следует забывать, что легализованные капиталы остаются в руках лидеров преступных группировок и поэтому не меняют своей криминальной сущности. Подобные инвестиции не только не являются благом, но и представляют реальную угрозу как для экономической, так и политической сферы России.

Логично, что сложившаяся негативная для государства экономическая практика получила отражение в уголовном законе страны. Понимая угрозу таких отношений, законодатель предусмотрел в Уголовном кодексе России два состава, предусматривающих ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом (иными лицами) в результате совершения им преступления (преступным путем). С определенной долей скептицизма сюда можно добавить и ст. 175 Уголовного кодекса РФ, предусматривающую ответственность за сбыт или приобретение имущества, добытого преступным путем.

Результаты

Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества появилась в российском уголовном законодательстве в 2001 году, после принятия соответствующего Закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Практика применения соответствующих статей Уголовного кодекса с момента ее введения и до сегодняшнего дня оценивается плохо, о чем свидетельствуют показатели динамики привлечения к уголовной ответственности по ним. Так, по ст. 174¹ УК РФ в 2003 году было выявлено 620 преступлений, к уголовной ответственности привлечено только 46 человек. Наибольшее количество преступлений было выявлено в 2009 году – 8791, осуждено 1819 человек, в 2017 году выявлено 711 преступлений, осуждено 530 человек, в 2018 году выявлено 993 преступления, привлечено 619 человек [10].

Обращает на себя внимание неоспоримый факт, что общее число лиц, осужденных за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, всегда было значительно меньше, чем возбужденных уголовных дел, что может свидетельствовать как о несовершенстве составов, так и о наличии проблем в их применении, в том числе и при квалификации деяний.

Так, на поверхности лежит вопрос размытости предмета преступле-

ния. Помимо критикуемого правоведами способа закрепления предмета, заключающегося в его разделении на денежные средства и иное имущество, законодатель не дает однозначного понятия важнейшего элемента состава преступления. Справедливости ради следует указать на попытку решить эту проблему Верховным судом Российской Федерации, который рассмотрел вопрос о содержании предмета легализации (отмывания) в Постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», в котором дается сокращенное толкование иного имущества в сравнении с тем, которое содержится в Гражданском кодексе РФ. Пленум исключил из предмета такие объекты, как результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальную собственность), а также нематериальные блага по причине их «неовеществленности» и отсутствия признаков отчуждаемости (что, по мнению суда, влечет невозможность их легализации), но оставил в составе предмета легализации (отмывания) такие объекты, как недвижимое имущество, имущественные права и ряд других, имеющих в соответствии с гражданским и административным законодательством особый порядок приобретения и передачи на них вещных прав. Таким образом, попытка урегулировать проблему обернулась новыми противоречиями в признании предметов легализации (отмывания) того или иного имущества.

Считаем, что основная проблема в содержании самих норм Уголовного кодекса, которые не просто носят бланкетный характер, а опираются на целый ряд гражданско-правовых дефиниций, которые, в свою очередь, также не являются исчерпывающими, а толкуются иными нормативными правовыми актами, в том числе указанным Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Имеется также упомянутое постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». На первый взгляд, это не проблема как таковая, а некое несовершенство юридической техники, решаемое внутри правовыми процедурами правоприменителей (разъяснениями, постановлениями, рекомендациями и т.п.), однако при ближайшем рассмотрении вопросы оказываются намного шире и серьезней, требуют внимания федеральных законодателей и скорейшего разрешения. На практике применение существующих правовых конструкций УК РФ нивелируется объективной природой происхождения базовых категорий, их непрерывным развитием, с одной стороны, и несовершенством, и малой оперативностью правовой фиксации социально-экономических отношений законодателями – с другой.

Попытка использования частных институтов при квалификации таких преступлений снижает эффективность уже на стадии выявления, поскольку гражданско-правовые конструкции зачастую слишком сложны для уголовных правоприменителей, что приводит к большому количеству как необоснованно возбужденных уголовных дел, так и отказов в их возбуждении. Сложности в применении указанных составов в основном связаны с использованием всеобъемлющих, базовых экономических категорий «владение», «пользование» и «распоряжение», а также понятий «сделка», «оферта», «транзакция», «финансовая сделка» и «финансовая операция», которые даже в сфере экономической теории не всегда трактуются однозначно.

Например, при квалификации действий по ст.ст. 174, 174¹ УК РФ необходимо определить цель легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Проблема кроется в «придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению». Формулировка, достаточно понятная экономистам и юристам-цивилистам, по-разному трактуется уголовными правоприменителями. Категории владения, пользования и распоряжения в понимании объективных экономических отношений свидетельствуют не о наличии формального права собственности как такового, а о наличии реальной возможности производства с каким-либо имуществом или денежными средствами (в любой форме) вышеуказанных действий. Именно поэтому Пленум Верховного суда Российской Федерации, дав свои разъяснения, определил, что придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, приобретенным преступным путем, может заключаться и в действиях по его отчуждению. Однако часто суды, следователи и прокуроры считают, что и приобретено это имущество или денежные средства могут быть только в результате одного из перечисленных действий, остальное считая противоречащим общему смыслу субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений.

Такая позиция при квалификации рассматриваемых составов преступлений порождает проблемы отграничения данного преступления от действий, входящих в объективную сторону предикатных преступлений, что в совокупности ведет к необоснованным отказам в возбуждении, прекращении уголовных дел, непривлечению к уголовной ответственности преступников.

Для решения возникших проблем логично обратиться к международному опыту. Анализ показывает, что большинство стран ограничились установлением минимальных критериев для подобных деяний.

Международные институты противодействия преступности требуют отдельных, самостоятельных составов для таких преступлений, что и было реализовано в большинстве стран мира (Аргентине, Болгарии, Бельгии, Германии, Испании, Колумбии, Франции, Швейцарии, Чехии и еще более 50 государств), включая все страны СНГ [14]. Здесь предусмотрен прямой уголовный запрет легализации (отмывания) доходов, полученных преступным

путем. Зарубежный закон, как правило, придерживается позиции, согласно которой отмыwanie денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, по своим признакам относится к преступлениям, посягающим на общественные отношения в экономической сфере. Экономические отношения в качестве объекта легализации (отмыwania) рассматриваются в уголовном законе Болгарии, Испании, Колумбии, Белоруссии и ряда других государств.

В зарубежном уголовном законе, в нормах, предусматривающих ответственность за отмыwanie преступных доходов, объективная сторона рассматриваемого явления определена как умышленные действия, направленные на сокрытие, утаивание и маскировку незаконного источника собственности, а также оказание помощи любому лицу, замешанному в совершении первоначального преступления, во избежание ответственности.

Успех многих зарубежных стран в борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов может объясняться и четким закреплением в соответствующих статьях уголовных кодексов дополнительных критериев уголовной ответственности, в качестве которых необходимо упомянуть закрепление уголовной ответственности за нарушение требований, установленных контролирующим органом, при осуществлении операций с денежными средствами для лиц, являющихся работниками финансовых учреждений (что крайне актуально для России) и установление в качестве дополнительного наказания за данные деяния конфискации имущества.

Важно, что в структуре уголовного законодательства ряда зарубежных стран объективная сторона отмыwania излагается без детального прописывания в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. О способе совершения отмыwania (легализации) говорится как о совершении финансовых операций или других сделок (Азербайджан, Белоруссия, Болгария, Таджикистан, Туркменистан, Украина), либо способ совершения легализации (отмыwania) и вовсе не прописывается, как в Австрии и Индии.

Так же важным считаем опыт Бельгии, Грузии, Казахстана, Молдавии и Туркменистана, где законодатель считает предикатными преступлениями, предшествующими легализации (отмыванию), наряду с любыми уголовно наказуемыми деяниями любые правонарушения, в результате которых стало возможным незаконное получение во владение, распоряжение и пользование денежных средств или имущества, что, учитывая постоянную декриминализацию тех или иных деяний в экономической сфере России, представляется полезным и актуальным.

Можно констатировать, что, даже несмотря на фактическое и юридическое присоединение к борьбе с данными преступными явлениями на международном уровне, их криминализация во многих странах происходит с учетом особенностей национальных юридических систем, что также надо помнить при повышении эффективности противодействия теневой экономике в нашей стране.

Заключение

Основываясь на зарубежном опыте, позиции ведущих российских ученых и сложившейся юридической практике, считаем возможным предложить ряд мер для повышения эффективности выявления фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом (иными лицами) в результате совершения им преступления (преступным путем).

Прежде всего необходимо обеспечить конкретное толкование объективной стороны рассматриваемых составов. Самым пагубным для рассматриваемых составов будет повторение ситуации со ст. 159 УК РФ. Не допустить подобного нагромождения может максимально расширительное толкование. То есть понимание возможности легализации не только путем осуществления финансовых операций и сделок, а также иными способами, заключающимися, например, в создании из незаконно приобретенного имущества одной или нескольких вещей, имеющих хотя бы одно полезное свойство и экономическую ценность.

Закон разделяет предмет легализации (отмывания) на две самостоятельные категории: «денежные средства» и «иное имущество». Логично рассматривать денежные средства в любой признанной в государстве форме (отдельный вопрос с криптовалютами), а имущество четко разделить на признаваемые в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации объектами гражданских прав, на те предметы материального мира, которые имеют установленный порядок государственной регистрации, и имущество, в отношении которого отсутствует особый порядок приобретения прав владения, пользования и распоряжения.

Требование получения формального права значительно обедняет субъективную сторону рассматриваемых составов и позволяет преступникам избегать уголовной ответственности. Предлагаем при квалификации опираться на реальную картину, рассматривать уже сложившиеся социально-экономические отношения, в которые был вовлечен фигурант и денежные средства или иное имущество. Другими словами, подтверждение законности владения, пользования и распоряжения преступно приобретенным имуществом не должно обязательно требоваться для квалификации таких преступлений. Считаем, что правоприменитель должен доказать фактическую реализацию возможности владеть, пользоваться и распоряжаться, т.е., по сути, любых действий по отношению к такому имуществу.

Таким образом, свободное обращение имущества в гражданском обороте не должно стать препятствием для квалификации по рассматриваемым составам. В свою очередь, имущество, в отношении которого государством установлен особый порядок приобретения на него права собственности, в качестве предмета легализации выступать обязано по определению.

Юридическое понимание владения, пользования и распоряжения, характеризующее право собственности, означает полный контроль над каким-

либо имуществом. Приобретение формального права собственности может произойти в случае возникновения какого-либо юридического факта, свидетельствующего об обращении вещи в свою пользу. Это означает, что простое сокрытие источника происхождения имущества уже создает возможность его свободного оборота.

Конкретизируя, предлагаем считать цель легализации (отмывания) достигнутой, если в результате тех или иных действий может быть создана видимость, что лицо, их осуществляющее, обладает полномочиями владения, пользования и распоряжения, т.е. правом собственности. Наравне с этим должна оцениваться фальсификация (создание видимости) законных оснований происхождения преступно приобретенного имущества, т.е. самой основы для возможностей владеть, пользоваться и распоряжаться, создавая тем самым у окружающих уверенность в наличии законности любых действий по отношению к такому имуществу.

Логичным развитием такой позиции должно стать закрепление в УК РФ нового отягчающего обстоятельства рассматриваемых преступлений, а именно кредитно-финансовой сферы, как наиболее используемой для совершения вышеуказанных действий, оборот денежных средств и имущества (в т.ч. прав на имущество), в который может быть легко направлен на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению.

Из отчета Росфинмониторинга за 2019 год следует, что по инициативе и с участием российской финансовой разведки за последние несколько лет правоохранительными органами возбуждено более 30 уголовных дел в отношении российских лиц, использовавших услуги «ландроматов» [13] и участвовавших в их функционировании внутри страны. Порядка 40 российских банков, вовлеченных в подобные схемы, были лишены лицензий [4, 9].

Деятельность, связанная с использованием номинальных юридических лиц «фирм-однодневок», фиктивной экономической активностью, движением денежных средств в различных формах, переводом их в наличность (обналичивание), различных электронных средств платежа, позволяющих избежать идентификации лица, совершающего финансовую операцию, банковских карт, оформленных на подставных лиц, как правило, осуществляется лицами, причастными к деятельности кредитных и финансовых организаций, кредитно-потребительских кооперативов и других финансовых учреждений, разбирающихся в финансовых отношениях и понимающих их суть, имеющих четкое представление о возможностях и, главное, высокой вероятности отсутствия юридически значимых последствий своих действий.

Таким образом, непрерывное поступательное развитие институтов ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, является одним из важнейших направлений противодействия криминализации национальной экономической системы России, действенным препятствием на пути вливания преступно

накопленных ресурсов в экономику страны и существенным фактором противодействия теневой экономике в целом.

Список источников

1. Алешникова В.И., Бурцева Т.А. Инструменты противодействия теневой экономике в регионах России // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2019, no. 4, с. 28-34.
2. Боровская Л.В. О теоретических концепциях проведения институциональных трансформаций // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2019, no. 1, с. 5-10.
3. Воронин В.П., Подмолодина И.М., Коновалова Е.М., Максимова Т.И. Аудит в механизме обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2020, no. 4, с. 4-14.
4. Ежегодный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу // *Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу*. Доступно: <https://clck.ru/WavhZ> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Ендовицкий Д.А., Коротких В.В., Яковлев Т.В. Статистический анализ динамики, структуры и тенденций развития алкогольной отрасли РФ // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2020, no. 4, с. 30-42.
6. Кеворкова Ж.А. Методические аспекты форензик-контроля как инструмента выявления и предотвращения мошеннических действий в деятельности экономических субъектов // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2020, no. 4, с. 43-53.
7. Кийко М. Теневая экономика: генезис, эволюция, современная структура // *Проблемы теории и практики управления*, 2015, no. 1, с. 28-38.
8. Когденко В.Г. Корпоративное мошенничество: анализ схем присвоения активов и способов манипулирования отчетностью // *Экономический анализ: теория и практика*, 2015, no. 4 (403), с. 2-13.
9. Костянская М.Р. Механизмы антикризисного управления в коммерческом банке для поддержания его финансовой устойчивости // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2020, no. 3, с. 133-141.
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // *Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации*. Доступно: <https://clck.ru/Wavjb> (дата обращения: 01.03.2021).
11. Сулейманова Н.Х. Подходы к количественной оценке объемов теневой экономики // *Молодой ученый*, 2015, no. 21, с. 478-481.
12. Теневая экономика в России достигла уровня африканских стран // *Официальный сайт интернет-газеты «Lenta.ru»*. Доступно: <https://clck.ru/WaviL> (дата обращения: 01.03.2021).
13. Что нужно знать о ландроматах // *Официальный сайт «Центра по исследованию коррупции и организованной преступности («ОCCRP»)»*. Доступно: <https://clck.ru/Wavgr> (дата обращения: 01.03.2021).
14. Юрисдикции, приверженные повышению прозрачности и налаживанию эффективного обмена информацией по налоговым вопросам // *Официальный сайт «OECD iLibrary»*. Доступно: <https://clck.ru/Wavfm> (дата обращения: 01.03.2021).

PROBLEMS OF EVALUATION OF LEGALIZATION (LAUNDERING) CASH AND OTHER PROPERTY IN THE CONTEXT OF COUNTERING THE INSTITUTIONALIZATION OF THE SHADOW ECONOMY IN RUSSIA

Buzin Roman Vladimirovich¹, Cand. Sc. (Econ.)

Zolotarev Ivan Ivanovich², Cand. Sc. (Econ.), Assoc. Prof.

Zolotareva Natalya Aleksandrovna², Cand. Sc. (Econ.), Assoc. Prof.

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Patriotov ave., 53, Voronezh, Russia, 394065; e-mail: romanbuzin@yandex.ru

² Voronezh Agrarian University named after Emperor Peter I, Michurina, 1, Voronezh, Russia, 394087; e-mail: iizolotarev@mail.ru; zna1980@yandex.ru

Purpose: based on the analysis of foreign experience, opinions of leading Russian scientists and established legal practice, the article suggests a number of measures to improve the effectiveness of detecting the facts of legalization (laundering) of money or other property acquired by a person (other persons) as a result of committing a crime (by criminal means). *Discussion:* the shadow sector, in one scale or another, exists in the economy of any state. There are various methods for assessing its structure and volume, each state seeks to resist the development and strengthening of the shadow component of its economic system. *Results:* the continuous development of institutions of responsibility for the legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means is one of the most important areas of countering the criminalization of the national economic system of Russia, an effective obstacle to the infusion of criminally accumulated resources into the country's economy and a significant factor in countering the shadow the economy as a whole.

Keywords: legalization of incomes, money laundering, shadow economy, economic security.

References

1. Aleshnikova V.I., Burtseva T.A. Tools to counteract the shadow economy in Russian regions. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2019, no. 4. pp. 28-34. (In Russ.)

2. Borovskaya L.V. On theoretical concepts of institutional transformations. *Proceedings of Voronezh State University.*

Series: Economics and Management, 2019, no. 1, pp. 5-10. (In Russ.)

3. Voronin V.P., Podmolodina I.M., Konovalova E.M., Maksimova T.I. Audit in the mechanism of ensuring economic security of an economic entity. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 4, pp. 4-14. (In Russ.)

4. Annual report of the Federal financial monitoring service. Official web-site of the Federal financial monitoring service. Available at: <https://clck.ru/WavhZ> (accessed: 01.03.2021).
5. Endovitsky D.A., Korotkikh V.V., Yakovlev T.V. Statistical analysis of the dynamics, structure and tendencies of development of the alcoholic industry of the Russian Federation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 4, pp. 30-42. (In Russ.)
6. Kevorkova Zh. A. Methodological aspects of forensic control as a tool for detecting and preventing fraudulent actions in the activities of economic entities. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 4, pp. 43-53. (In Russ.)
7. Kiyko M. Shadow economy: genesis, evolution, modern structure. *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, 2015, no. 1, 28-38. (In Russ.)
8. Kogdenko V.G. Corporate fraud: asset misappropriation schemes analysis and ways to manipulate reporting. *Economic analysis: theory and practice*, 2015, no. 4 (403), pp. 2-13. (In Russ.)
9. Kostyanskaya M.R. Commercial bank's anticrisis management mechanisms for maintaining its financial stability. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no 3, pp. 133-141. (In Russ.)
10. Brief description of the state of crime in the Russian Federation. Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Available at: <https://clck.ru/Wavjb> (accessed: 01.03.2021).
11. Suleimanova N.H. Podhody k kolichestvennoy otsenke obyomov tenevoy ekonomiki. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 21 (101), pp. 478-481. (In Russ.)
12. The Shadow economy in Russia has reached the level of African countries. Official website of the Internet newspaper "Lenta.ru". Available at: <https://clck.ru/WaviL> (accessed: 01.03.2021).
13. What you need to know about landromats. Official website of The " center for research on corruption and organized crime (OCCRP). Available at: <https://clck.ru/Wavgr> (accessed: 01.11.2020).
14. Jurisdictions committed to increasing transparency and establishing effective exchange of information on tax issues. Official website of the "OECD iLibrary". Available at: <https://clck.ru/Wavfm> (accessed: 01.11.2020).